

1. Книга Иова уникальна хотя бы уже потому, что будучи частью иудейского Ветхого Завета, имеет в себе и христианские мотивы. Автор приравнивает страдание (...) (о.т.р.) к обычным иудейским добродетелям непорочности и богобоязненности. Более того, Господь вознаграждает теперь уже не праведника, а настоящего богоборца: Иов возмущен Божьей несправедливостью, он говорит Богу горькие и обидные слова, но в ответ (конечно, после укоров) получает утраченное благополучие и благосклонность Господню. Чем не ветхозаветный «блудный сын», предвосхищающий основную мысль Христа о всепрощении?

2. Если мысль св. Августина о разнице между «я могу не грешить» и «я не могу грешить» 8. взять за основу, то можно вывести ряд интересных формулировок, например, «я не могу лгать» несравненно выше, чем «я могу не лгать»; и даже «я не могу не любить», что выше, чем «я могу любить»...

3. Я не сноб, но мне почему-то нравятся снобы, - вроде Набокова, Уайлда, Бродского. В 52. природном снобизме есть нечто привлекательное - это внутреннее чувство истинной свободы, это естественное самоуважение, это абсолютное отсутствие плебейских качеств, будь то даже плебейское высокомерие или столь же плебейская снисходительность. Наверное, меня и привлекает именно этот аристократизм свободы и чистоты помыслов.

4. (о.т.р.)

47. Если я не грешен, то не нужны ни Господь, ни Сын Его.

5. Сократа справедливо иногда называют Христом античности: он первый заговорил о 53. даймононе - о внутреннем голосе, совести; он поставил целью всего в мире человека, а моральные нормы объявил незыблемыми и вечными. Недаром и уход его из жизни обусловлен был приговором суда человеческого, как и у Христа.

6. Убийца убивает Бога в себе, вор крадет себя у Бога.
75.

7. Не может быть, чтобы Платон в своей градации душ ставил мудреца над царем, или 81. пророка над поэтом по той же причине, по которой он ставил ремесленника над тираном.

8. Не могу представить себе Христа в роли судьи. Не могу поверить в ад и Армагеддон. 55. Мне ближе ересиарх Ориген с его убежденностью в конечном просветленном единении с Богом всех душ, включая и Сатану. Но и Григорий Нисский, признанный святым, учил, что у Сатаны конечный идеал - полнота жизни; ergo, борьба с Богом и творимое Сатаной зло противоречат его же идеалу и рано или поздно будут преодолены. Не об одном и том же ли говорят великий ересиарх и великий святой? И не о том же ли Христова притча о блудном сыне? Не может Господь, Абсолютное Добро, карать. Не может Христос, взяв на себя грехи всех людей, от Каина до Иуды, быть судьей. Это противоречит самим основам христианского учения о любви и прощении, об апокатастасисе.

9. Никакое счастье не сравнится с чувством, испытываемым человеком при сохранении 89. того, что он уже готов был потерять. Пусть это даже не очень значительная мелочь - ведь горечь потери всегда сильнее удовлетворения обретения.

10.Одиночество – лучшее условие человеческого общения.

54.

11.Господь создал женщин, чтобы мы прятали свое звериное естество как можно глубже.

83.И тем не менее именно с женщинами мы часто выглядим как исключительные скоты и законченные хамы. Может быть, стоило назначить им что-то другое, попроще?

12.Для одних секс – священнодействие, для других - продолжение рода, для третьих –

90.спорт. А на деле секс – это секс.

13. Вся безнравственность большевизма заключена уже в одном только объявлении

9. «категорического императива» Канта – этой декларации гуманизма – «реакционной идеей». Если и провозглашенная Христом любовь, и провозглашенный Кантом гуманистический характер взаимоотношений людей – реакционны, то какая уж тут нравственность?

14. В советских общественных столовых никогда не было ножей, а иногда не хватало

91. даже и вилок – почти как «на зоне». Что же теперь удивляться, что пользоваться столовыми приборами у нас умеет один из ста, а может быть, и из тысячи. Героиню Джулии Робертс из «Красотки» напоминают и директора заводов, и ректоры университетов, и фотохудожники, и члены Союза писателей: все они одинаково беспомощно путаются в ножах, вилках и тарелках. Помню эпизод из студенческой жизни. Мы с другом на летние каникулы прилетели в Таллинн. Однажды в кафе некий эстонец сделал нам неприязненное замечание – когда пьешь кофе, вынимай ложечку из чашки. Мы обиделись, а напрасно.

15.Мораль чекиста определена еще Держинским: это холодный ум, горячее сердце и

10. чистые руки. Ум у них, действительно, напрочь отморозен; сердце, как у любого фанатика, конечно, «пламенный мотор»; ну, а руки они часто моют, потому что кровь-то отмывать как-то надо!

16.«**Omnis ratio veri et boni ab Dei omni potentia dependeat**» (**Всякое основание истины и добра зависит от всемогущества Божия**). Это сказал тот, кого советская наука считала материалистом, - Рене Декарт. Между тем, подводя под мораль несомненно христианское основание, великий Картезий был так же далек от материализма, как и от атеизма, что в принципе одно и то же. Достоин внимания также и тот факт, что Декарт, писавший в основном о вопросах бытия и познания, обратился к проблеме этики.

17.Почему это теософы не создали своей этики? (...) (*о.т.р.*)

51.

18.Человек, который испытывал сильнейшее благоговение перед звездным небом над 74.ним и нравственным законом в нем самом, сформулировал свой **категорический императив** двояко: 1) Поступай так, чтобы максима твоего поведения на основе твоей воли могла стать общим естественным законом. 2)Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого, так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству. Эти почти пророческие слова сказаны Иммануилом Кантом, и они ставят великого немца в один ряд с учителями человечества. Сам дух этого манифеста гуманизма – дух глубоко христианский.

19.Легко «зреть в корень», когда знаешь, где его отыскать!

93.

20. Хотелось бы обнять всех людей, да чистоплотность мешает.
95.

21. Аморализм выдуман не большевиками, но как искусно они его использовали! Пионер 11. Павлик Морозов «сдает» собственного батяню. «Крепкие большевики» (...) (о.т.р.) и даже «любимец партии» (...) (о.т.р.) признаются в фантастическом шпионаже. (...) (о.т.р.) вдохновенно воспевают ГУЛаг. Их коллега по «воспеванию», бывший граф (...) (о.т.р.) – вообще эталон безнравственности: сбежал из эмиграции под «теплое крылышко» Сталина, (...) (о.т.р.) старых друзей – получил дачи, премии, квартиры, да еще и, как ни в чем не бывало, сознался во всем Бунину, призывая его возвратиться «на хлеба» в большевистскую Россию... Но хуже всего аморализм, навязываемый народу. Жены отказываются от мужей, братья и сестры, дети и родители «закладывают» друг друга и считают себя правыми... Ужас!

22. Читаешь гениальную толстовскую «Крейцерову сонату» – и думаешь: а ведь брак без 48. любви действительно аморальнее открытого адюльтера!

23. Самым великим моральным актом Бога было, посылая Сына в мир, на неминуемую 78. гибель, отяготить его плечи грузом грехов всех бесчисленных поколений людей: Сын должен был ответить за все зло, совершенное человечеством.

24. Ни Церковь, ни государство не способны победить самую страшную болезнь 98. современности – бездуховность. Это способен сделать лишь сам человек. Каждый в отдельности. И помочь ему в этом призваны Вера и Искусство.

25. Кто возьмется судить о том, насколько нравственен был Авраам, согласившийся 92. заколоть своего любимца Исаака в жертву Богу? Может быть, здесь уместнее вопрос о нравственности (...) (о.т.р.) Боже, насколько эти сумасшедшие вопросы серьезней, чем современные: аморален ли гомосексуализм, нравственно ли насильное лечение пьянства?
...

26. Что-то я давненько ни с кем ничего не делал. Нет-нет, с кем-то точно ничего не делал, 94. но когда и с кем?

27. Свобода заключена и в нашей способности повернуться от желания к справедливости. 32. Она первична как индивидуальная реакция на фаталистический подход ко всемогуществу Божьему и пресловутому предопределению.

28. Страх, конечно, является неизбежным спутником человеческого существования, но 34. отнюдь не основное его определение. Не было страха, беспокойной тоски бытия у христианских святых, обладавших абсолютной верой. А ведь они и не подозревали, что они святые, их таковыми признавали уже посмертно. **Ergo**, вера указывает человеку путь избавления от страха существования.

29. Думаю, что нельзя отказываться от личной свободы не только ради денег, но даже во 33. имя любви. Истинная любовь предполагает взаимное уважение свободы двух любящих существ, она именно и проявляется в их взаимном самоутверждении. С другой стороны, истинная личная свобода никогда не должна подавлять индивидуальность другого.

30. Кьеркегор потому и проповедовал первенство воли и свободного выбора, вне причины 64. и разума, что там, где есть человеческое действие и суждение – нет ни объективности, ни внешнего веления.

В

5.ЭТИКА

(30+40+30=100)

31.Этика занята преимущественно вопросами морали, нравственности. Еще греки

1. отделяли ее от учения о мире и от логики. Этические системы созданы всеми религиями, а также такими мыслителями, как Сократ, Аристотель, Спиноза и Кант. Я не думаю, что моралью может заниматься наука. Скорее, **этика** – часть философии, аккумулирующая нравственные представления личности или группы людей.

32.Ветхий Завет вообще и Моисеева Тора в частности, по сути дела, этической системы не предлагают. А если предлагают, то весьма непоследовательную и противоречивую, что понятно, если принять во внимание огромный период (приблизительно 8-9 веков) складывания окончательного текста иудейской Библии, исключительное разнообразие авторов и крайнюю пестроту жанров. Даже в одной и той же Торе или Пятикнижии, приписываемом Моисею, в одном месте говорится: «не мсти и не имей злобы...» (Левит, 19:18), а в другом: «душу за душу, око за око, зуб за зуб...» (Второзаконие, 19:21).

33.Из приписываемых царю Соломону книг Ветхого Завета наименее впечатляющи, конечно, Притчи. Вероятно, из-за их афористического характера: в коротких предложениях, довольно часто банальных и столь же часто ретроградных, автор попытался изложить некий «моральный кодекс» X века до Р.Х. Книга Иова, имеющая повествовательно-диалогический характер, представляет собой блестящий образец морально-философской прозы с элементами полемичности.

34.Книга Екклесиаста представляет собой нечто среднее между упомянутыми выше двумя книгами (...)(*о.т.р.*): повествование в сочетании с философскими рассуждениями, очень часто весьма глубокими и представляющими несомненный интерес и поныне, несмотря на изрядную дозу скепсиса и пессимизма (или благодаря им).

35.Индуистская литература, начиная с Упанишад, дает очень немного пищи для заключения об этике индуизма, и это не случайно. Отказывая человеку в возможности быть личностью, индуизм сводит нормы его нравственности к отказу от окружающего мира, полной бесстрастности, безразличию к себе подобным, не причинению зла всему живому.

36. «Четыре благородные истины» и особенно «восьмеричный путь освобождения» Будды являются уже несомненной попыткой создать систему этики. Среди ее элементов – призыв стремиться к истине, к изменению своей жизни, к воздержанию от лжи и грубости, к не причинению зла, к жизни своим трудом, к борьбе с соблазнами **etc.**

37.Будда совершенно справедливо предостерегает своих последователей от двух крайностей жизненного поведения: от увлечения мирскими наслаждениями и своими страстями и от самоистязания крайнего аскетизма (Виная – питака).

38.В Сутта-питаке Просветленный высказывает немало глубоких мыслей: «Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она». Или: «Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу», **etc.**

39. Китайцы сводят этику к церемонии, ритуалу, этикету. Конфуций, например, говорит: «Уважительность без ритуала – пустая суетливость; осторожность без ритуала – та же трусость; доблесть без ритуала превращается в бунтарство, а прямота без ритуала – в грубость». Еще три постулата конфуцианской нравственности – это верность старым обычаям, святость иерархии, субординация и исполнение родственных обязанностей.

40. Разве философ тот, кто трепещет перед властью имущими, кто находится в плену у 27. вековых традиций, кто ищет не истину, а геометрическую середину?

41. Меня ничуть не смущает то, что я принадлежу к тем, кто ставит индивидуальность

38. выше коллектива, пусть это даже все человечество. Можно сколько угодно цитировать Паскаля, Шопенгауэра, Кьеркегора и многих других на этот счет, но лучше всех по – моему, высказался Сенека: «Какое презренное и низменное существо человек, если он не возвышается над человечеством!»

42. Всегда раздражало стремление многих людей (в том числе и известных) походить на 39. кого-либо. В нем мне видится невольное признание в собственной внутренней пустоте и слабости. Наоборот, своеобразие – признак силы и независимости: «Лучший способ защищаться – это не уподобляться», – как сказал один из римских императоров.

43. “**Abyssus abyssum invocat**”, – говорит Псалтирь (Псалм 41). «Бездна бездну

42. призывает...» Обычно употребляется в смысле: подобное влечет за собой подобное. А по-русски даже: *беда* никогда не приходит одна. Но псалмопевец имел в виду души человеческие, взывающие друг к другу в стремлении к Господу, объединенные любовью к красоте Его. Ведь полностью стих звучит так: «Бездна бездну призывает **голосом водопадов Твоих**». Какая уж тут *беда*!

44. «Умались и будешь возвеличен», – Евангелие вовсе не проповедует уничижение,

43. которое, по пословице, «паче гордости». И то, и другое – грех. Говорит же св. Августин: “**Initium omnis peccati superbia**” – «Начало всякого греха – гордыня». Оцени себя объективно и сравни результат с тем, что о тебе говорят уважаемые тобой люди.

45. И еще из св. Августина: “**Surgunt indocti et rapiunt caelum**” – Поднялись неучи и

44. овладели небесами». Не стремись к вершинам власти и славы, ибо они заняты рабами, которые, по Екклесиасту, ездят на конях, когда князя рядом с ними идут пешком. Будь князем для себя, а не рабом для других, пусть – владеющим небесами.

46. В Евангелиях Иисус часто обращается к теме «блудных сынов». Для иудаизма грешник

45. был изгоем, не стоящим внимания; для христианства он – изблуженный объект для «ловцов человеков». У Луки (5:31) Спаситель говорит, что во враче нуждаются не здоровые, а больные: «Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию».

47. Одно из центральных положений этики христианства, его своеобразный

46. «категорический императив» – отношения между людьми на основе взаимоуважения и любви, Христос формулирует это кратко и емко: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят» (Лука, 6:31).

48. Мне как-то не нравится мысль св. Фомы Аквинского о том, что моральное добро есть

2. середина между порочными крайностями. Что же, брать в руки линейку или циркуль, тщательно делать замеры? Почему Томас Аквинат не нашел источник определения морального добра в заповедях Христовых, в сердце истинного христианина?

49. Почему это Мартин Лютер считал, что Богу подчас приятнее **blasphemia**,
59. богохульство, чем само «аллилуйя» - да еще и «чем отвратительнее оно, тем приятнее»? А все дело в искренности человеческой речи: не может лицемерное «аллилуйя» быть лучше искренней брани, за которой, вполне вероятно, - столь же искренне раскаяние и покаяние.

50. Весьма уважаю Лютера, но не могу не отметить, что у него, как у всех
40. революционеров, лексика вполне марксистская. Все эти “**exaltate humiles, cibare exurientes**” («поднимать униженных, питать голодных») или даже “**desperatos et damnatos salvare**” («спасать утративших надежду и проклятых»). Это же лозунги для масс, **этика толпы!** Только действующее лицо - не партия, Бог.

51. Своеобразное изложение «морали Господней» находим в весьма поэтическом пассаже
66. из “**Christosophia**” Якоба Беме: «Бог, как Бог, не может хотеть ничего злого; ибо в Боге одна только воля, и воля эта есть вечная любовь, желание подобного, то есть силы, красоты и добра».

52. Непременным условием самосовершенствования как пути к Богу является избавление
70. от внутренних врагов человеческой природы. Но от них человек освобождается, лишь когда он не имеет врагов внешних, а освобождение от этих последних приносит только любовь.

53. Конечно, любовь к Богу - не то, что любовь к человеку; любовь сексуальная тоже
41. отличается и от любви к человеку, и от любви к Богу. Но недаром все эти три чувства называются одним словом **Любовь**. Без одного первого - второе и третье невозможны, без одного второго - первое и третье трудно представимы, без одного третьего - первое и второе неполны. Если же исключить любые два - оставшееся любое третье просто немислимо. Они несомненно связаны между собой, как тело, душа и дух, являясь частями **истинной Любви**.

54. Как все-таки изящно могут формулировать свои мысли французы, особенно такие
67. гениальные, как Паскаль! Вот немец или русский тяжеловесно констатировали бы, что одни индивидуумы, обладающие высокой моралью, принижают свои качества из скромности (именно потому, что скромность - качество положительное); другие же всячески выпячивают свои положительные качества, которыми вовсе не обладают (в том числе - именно скромностью). Великолепный же Блез пишет легко и кратко: «Люди делятся на праведников, считающих себя грешниками, и грешников, считающих себя праведниками».

55. Кто возьмет на себя труд дать дефиницию праведности и греха, если одно и то же в
49. разных обстоятельствах может быть и проявлением добродетели, и воплощением страшного греха?

56. У меня такое впечатление, что в вопросе о **праведности** несколько путался и сам
15. грозный Бог Ветхого Завета. Судя по Книге Бытия, Яхве несколько раз карал грешников смертью; два раза - массово (целых два города, Содом и Гоморру, при помощи огня и серы, а потопом - все человечество вообще). Но в обоих случаях Он оставлял жизнь праведникам. От потопа спас семью Ноя, давшего таким образом новое начало всему человечеству, а от огня и серы - семью Лота, от которого произошли два народа: моавитяне и аммонитяне. Но вот что интересно. После потопа Ной так напился, что лежал совершенно голый, чем развеселил своего сына Хама, а протрезвев, проклял Хама - его потомки должны были стать рабами потомков его братьев, Сима и Иафета. Лот же,

сбежав из Содома с двумя дочерьми в пещеру, произвел упомянутые народы именно от дочерей, будучи напоен ими же до полного бесчувствия (...) (*о.т.р.*)!

57. Почти так же интересны и судьбы других ветхозаветных патриархов. Авраам, приходя 16. в чужие города, любил выдавать свою жену Саару за сестру, чем немедленно вызывал греховные сексуальные чувства. Его сын Исаак отказался благословлять своего первенца и любимца Исава, будучи обманут другим сыном, Иаковом. Иаков не только обманом получил отцовское благословение, но и **купил** у брата первородство за чечевичную похлебку, воспользовавшись сильным голодом Исава.

58. Истории самого Иакова (он же Израиль) и его двенадцати сыновей не менее 17. увлекательны, особенно в том месте, где братья решают прикончить Иосифа, ибо он был любимцем Иакова, да еще и постоянно рассказывал им свои сны, в которых все братья ему поклонялись как царю. Убийство они, впрочем, только инсценировали, продав брата Иосифа в Египет. И вот от этих – то детей Иакова произошли все 12 главных колен Израилевых.

59. Пророк Моисей, который, кстати, был так косноязычен, что вместо него обычно 18. говорил его брат Аарон, ради спасения своего народа нещадно уничтожает пол – Египта совершенно невинных подданных фараона, а затем и самого фараона (вместе со всей его армией), вся вина которого заключалась лишь в том, что «**Господь** ожесточил сердце его».

60. Бог Ветхого Завета, кроме того, что ожесточал сердца одних, чтобы их за это карали 19. другие, был именно Тем, Кто силой магии наслал на Египтян 10 «казней египетских» и потопил целую армию. Он и самого-то пророка-то чуть не уничтожил: едва поручив Моисею вывести весь Израиль из Египта, Господь хотел умертвить его, но жена Моисея обрезала своему сыну крайнюю плоть, бросила к ногам Яхве, и Он успокоился. Причину столь внезапной ярости Божьей Книга Исход не называет.

61. Вот и поди знай после этого, где праведность, а где греховность! Ветхий Завет об этом, 21. похоже, вообще не ведает.

62. Чем более развит интеллект, тем менее личность нуждается в чем-либо внешнем.
68. **Одиночество** есть удел людей наиболее разумных, и с этим ничего не поделаешь.

63. Что можно прибавить к великолепному афоризму Артура Шопенгауэра об основах 69. человеческой нравственности, регулирующих поведение человека в обществе: «**Честь** – это внешняя совесть, а **совесть** – это внутренняя честь». Ничего не прибавишь!

64. Свобода так же является добром, как и **добро - свободой**. Различие между добром и 71. злом состоит либо для свободы, либо в самой свободе.

65. Этическая проблема **страха**, так подробно рассмотренная Сереном Кьеркегором, 35. решается им точно, исчерпывающе и кратко: «**Страх** есть отношение свободы к вине».

66. Страх – явление двойственное. Вместе с первым грехом Адама в мир вошел и страх 36. как нечто ему имманентное, а потому и неуничтожимое. Но страх – это еще и то, в чем каждый усматривает грех одновременно и как его причину, и как его же следствие.

67. Кьеркегор полагал, что страх есть возможность свободы, именно страх «абсолютно 37. воспитывает силой веры, поскольку он пожирает все конечное и обнаруживает всю его обманчивость».

68. Всякий **долг**, в конечном счете, является долгом перед Богом. Ведь долг – это понятие 65. этическое, а все этическое – всегда всеобщее. Всеобщее же есть божественное.

69. И еще об одиночестве личности наиболее развитой интеллектуально: «Дело в том, 60. видите ли, что самый сильный человек на свете – это тот, кто наиболее одинок». (Г.Ибсен)

70. Любовь есть наслаждение. А чтобы ненавидеть, нужно огромное напряжение всех 50. нравственных сил личности. Следовательно, можно заключить, что **ненависть** изнуряюще мучительна. Вот еще одно доказательство того, что ненавидеть и кровожадного тигра, и самую кроткую овечку равно глупо.

70а. К любому коллективу – будь то коллеги по работе, попутчики в поезде, какие-то (...) (н.р.) общественные, религиозные или политические организации – у меня всегда двойственное отношение. С одной стороны, это опасение, что моя личность может подвергнуться давлению этих организованных масс, с другой – какая-то странная (...) (н.р.)

С

5.ЭТИКА

71. «Нет пророка в своем отечестве» - эта евангельская фраза применяется на каждом 61. шагу. Разрыв между пророком и толпой неизменно приводит к конфликту между ними. При этом толпа склонна принижать личность пророка до своего уровня – так ей удобней. Недаром чем выше поднимается орел, тем меньше (...) (н.р.) он кажется нам, бескрылым.

72. У Ницше было несколько экзотическое отношение к женщине. Он предупреждает, что 84. женщину следует опасаться, когда она ненавидит, потому что мужчина по своей природе только зол, а женщина – (...) (н.р.). Ницше определяет счастье мужчины фразой «я хочу», а счастье женщины – фразой «он хочет». Заратустра у него говорит: «Все в женщине – загадка, и на все это есть одна разгадка: беременностью зовется она. Мужчина для женщины – средство: цель же всегда – ребенок. Но что же тогда женщина для мужчины? Двух вещей желает настоящий мужчина – опасности и игры. И потому ему нужна женщина, как самая опасная из всех игрушек».

73. У Ницше старушка говорит Заратустре: «А теперь прими от меня в благодарность 85. одну маленькую истину!.. Укутай ее и зажди ей рот: а то она кричит чересчур громко... Идешь к женщинам? Не забудь плетку!»

74. Мораль нигилизма (вернее, его аморализм) наиболее ярко отобразена в диалоге 5. Верховенского со Ставрогиным в «Бесах» Достоевского: «(**Верховенский** :) В сущности, наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестие всего легче русского человека за собой увлечь можно. (Ставрогин:) Право на бесчестие – да это все к нам прибегают, ни одного там не останется».

75. А в «Братьях Карамазовых» Достоевский вкладывает в уста Ивана формулу 6. человекобожества. Иван говорил Черту: «Совесь! Что совесь? Я сам ее делаю. По привычке. Так отвыкнем от нее и будем боги!»

76. Любопытна дефиниция зла у Жака Маритена: «Зло не есть ни сущность, ни природа,

7. ни форма, ни сущее; зло есть отсутствие сущего; не простое отсутствие, или отрицание, а лишение: лишение некоего добра, которому надлежало существовать в вещи».

77. У Владимира Соловьева есть совершенно очаровательная брошюрка «Смысл любви», в которой он пытается рассмотреть в том числе, характер сексуальной любви в контексте христианства: «Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма».

78. Поясняя свой тезис о смысле любви, Соловьев ставит перед любовью определенную цель: «Задача любви состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность».

79. Самые высоконравственные люди никогда не догадываются, что они именно таковы. Чаще всего они склонны оценивать себя весьма и весьма скромно – если они вообще оценивают себя. Такова природа человеческой нравственности вообще и нравственности праведника – в особенности.

80. Макс Шелер считал, что счастлив только добрый человек, но что это не исключает того, что именно счастье есть корень и источник всякого доброго хотения и действия: «Только счастливый человек совершает добрые поступки. Таким образом, счастье вовсе не есть средство для достижения блаженства. Счастье есть корень и источник добродетели, но такой источник, который сам есть уже не что иное, как следствие внутренней добротной сущности лица».

81. Религиозный экзистенциализм Мартина Бубера тщательно разрабатывает концепцию взаимоотношений личности с другим Я и Ты. Бубер считал, что «Дух не в Я, не между Я и Ты. Он – не как кровь, что течет в тебе, но как воздух, в котором ты дышишь. Человек живет в духе, когда он может ответить своему Ты».

82. Совершенно очевидно, что христианство предполагает отношение к человеку как прямое подобие отношения к Богу: возлюби Бога больше самого себя и возлюби ближнего, как самого себя. Истинное обращение любви здесь вправе ожидать истинного ответа такой же любви.

83. Василий Розанов в своих «Опавших листьях» подходит ко взаимоотношениям личности и государства с несколько неожиданной стороны: «Эгоизм – не худ; это – кристалл (твердость, неразрушимость) около «Я». И, собственно, если бы все «Я» были в кристалле, но не было бы хаоса, и, следовательно «государство» (Левиафан) было бы почти не нужно».

84. Удивительные слова находит Лев Шестов для изображения несчастной судьбы человека в этом мире! В своем знаменитом «Апофеозе Беспочвенности» он, между прочим, пишет: «Быть непоправимо несчастным – постыдно... И так как рано или поздно каждый человек осужден быть непоправимо несчастным, то, стало быть, **последнее слово философии – одиночество**».

85. Если бы Сократ согласился допустить – пусть только гипотетически – что разум можно отделить от морали, он скорее согласен был бы отказаться от разума, но не от морали. Шестов пишет по этому поводу: «Пусть, на худой конец, боги взлетают с Платином над знанием, но Бог, взлетевший над моралью, есть уже не Бог, а чудовище. Это убеждение можно было вырвать из Сократа только разве с его душой».

86.Одиночество – и награда, и наказание человека одновременно. Я не могу уже себе
4. представить, как можно 24 часа в сутки быть с кем-то, пусть даже самым близким: у меня выработалась потребность быть хотя бы часть дня в совершенном одиночестве. Интеллектуальные, нравственные и физические силы собраны: они готовы направиться на то, на что их направит моя воля. А поделиться своими мыслями я могу и с этой тетрадью – так выйдет даже точнее и выразительней.

87.Судьба даровала мне и дружбу с равными мне по духу людьми, и любовь к
57.единственной в мире женщине. Мне нет никакого резона сетовать на судьбу за то, что все это уже в прошлом. Любовь, как и дружба, не умирает со смертью объекта любви или дружбы. Поэтому, несмотря на свое нынешнее несчастное существование, я могу считать себя счастливым.

88.К зрелости у меня выработалась скверная привычка оценивать новых знакомых каким-
36.то людоедским взглядом, отыскивающим прежде всего **недостатки**. Наверное, это из-за того, что у меня самого все больше и больше этих недостатков.

89.Грех жаловаться – не все мои мысли абсолютно невостребованы. Есть два-три
99.человека, для которых они вполне восприимлемы и интересны. А это – неоценимый подарок судьбы, потому что мысль, «сваренная в собственном соку и для внутреннего же употребления», может быстро протухнуть.

90.Гордость-не гордыня: я например, бываю очень горд собой, когда перечитываю
97.некоторые свои стихи или листаю страницы своих эссе. Думаю, ничего дурного в этом нет, это вполне законная гордость за собственные достижения, объективно и трезво оцененные самим собой. Это вовсе не гордыня.

91.Проявления высокой нравственности – всегда продукт личности как таковой. Франц
30. Кафка, судя по его дневникам, вообще считал, что все добродетели индивидуальны, а все пороки социальны.

92.Николай Лосский в книге «Условия абсолютного добра» (1949) дает такую дефиницию
3. этике: «Этика есть наука о нравственном добре и зле и об осуществлении его в поведении человека. Она исследует конечную цель жизни человека и поведения его, поскольку оно ведет к достижению этой цели или отклонению от нее».

93.Даже такой «философский сухарь», как Мартин Хайдеггер, в своем «Законе тождества»
79. (1957) поднимается до вершин философской поэзии: «Мыслить Событие как Событие, значит доводить до строения мерцающее в себе царство. Материал для самосозидания этого парящего строения мышление берет из языка. Ибо речь есть наиболее нежное и восприимчивое всепроникающее вибрирование в парящем здании сбывающегося. Поскольку наша сущность обособилась в языке, мы обитаем в Событии».

94.Сопоставляя любовь с сексуальным актом, Николай Бердяев писал: «В самом
77.сексуальном акте нет ничего индивидуального, личного, он объединяет человека со всем животным миром...Пол безлик, не видит лица... Любовь – лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена действительно возможна».

95.Сексуальное влечение вполне естественно, а потому отнюдь не порочно. Но лишь
86. будучи совмещено с чувством истинной любви оно возвышает человека до уровня личности, а без такого чувства оставляет его на уровне млекопитающего.

96. Современное христианство волнует вопрос о возможности применения силы во имя добра. Православный философ Иван Ильин решает эту проблему положительно: «Прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника; кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы; кто вовремя ударит по руке прицелившегося революционера; кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя; кто выгонит из храма кощунствующих бесстыдников; кто бросится с оружием на толпу солдат, насилующих девочку».

97. Тоска, как понятие неразрывно связанное с экзистенциализмом, у Сартра получает свое разрешение в свободе: «Именно в тоске человек осознает свою свободу... в качестве сознания бытия».

98. В книге «Бытие и ничто» Сартр проводит две, казалось бы, противоположные идеи относительно человека: «Человек... несет всю тяжесть мира на своих плечах: он ответственен за мир и за самого себя как определенный способ бытия». С другой стороны: «Человеческое существо – это бесполезная страсть».

99. Вопрос о верности Духу волновал Андрея Тарковского всегда. Уже незадолго до смерти он записал в своем дневнике: «Способна ли в человеке победить его духовная сущность в тех случаях, когда речь идет не о грехе, а о верности Духовному? Если неверность Духовная еще не грех... Что такое грех? Действие в пользу уничтожения человеческого достоинства, духовной высоты. Насилие души. Наше время... слишком материальное для того, чтобы опираться о Веру, как о Камень».

100. Когда душа не соприкасается с Добром, сразу возникает космическое ощущение абсолютного, всеильного и непобедимого Абсурда...